

В. М. БЕРЕЖКОВ

Страницы дипломатической истории

<Фрагменты>

<...>

Я ожидал, что в борту откроется дверца, но вместо этого из люка в брюхе самолета спустили на траву металлическую лесенку, и по ней сразу же стали спускаться ноги в тяжелых ботинках и изрядно помятых брюках. Ноги как бы присели, дав возможность объемистому туловищу выбраться из кабины. Вот и голова Черчилля. Придерживая рукой шляпу, он настороженно огляделся вокруг, как бы оценивая ситуацию. Нешуточное дело! Он впервые оказался в стране большевиков, которую после Октябрьской революции пытался «задушить в колыбели», против которой организовал интервенцию держав Антанты. Да и нынешняя его миссия не из приятных.

<...>

Черчилль, расплывшись в улыбке, заверил, что рад возможности побывать в России и встретиться с ее руководителями. Улыбка премьера мне показалась деланной, плохо скрывающей его нервозность. Нередко приходилось наблюдать подобную реакцию иностранных посетителей при встрече со Сталиным.

<...>

Черчилль начал с того, что ему представляется важным внести ясность в некоторые вопросы, по которым оба лидера вели друг с другом переписку на протяжении последнего времени.

— Я готов обсуждать любые вопросы, — сказал Сталин.

— Есть две страны, о которых нам надо поговорить, — принялся развивать свою мысль Черчилль. — Одна из них — Греция. Другая — Румыния. Насчет нее у англичан нет особого

беспокойства. Другое дело — Греция. Британия должна быть ведущей державой Средиземноморья, и я надеюсь, что маршал Сталин признает за нами решающее слово в Греции, так же как и я готов признать решающее слово маршала Сталина в отношении Румынии.

Сталин отнесся с пониманием к позиции правительства Великобритании, сказав, что у Англии возникла бы серьезная проблема, если бы Средиземное море оказалось не в ее руках. Поэтому он согласен с тем, чтобы Черчилль имел решающее слово в Греции.

— Полагаю, — продолжал британский премьер, — что нам следует выразить эти вещи в дипломатических терминах, избегая формулы о «разделе сфер влияния», поскольку это шокировало бы американцев. Но когда мы с вами придем к взаимопониманию, я сумею объяснить с президентом...

Сталин напомнил о пожелании Рузвельта, чтобы любые решения нынешней встречи считались «предварительными».

— Но ведь у нас с вами, — подхватил премьер, — нет секретов от президента. Я даже приветствую присутствие Гарримана на ряде наших переговоров. Однако это не должно препятствовать нам с вами вести интимные беседы.

— Мне кажется, — понимающе заметил Сталин, — что Соединенные Штаты претендуют на слишком большие права для себя, оставляя Советскому Союзу и Великобритании ограниченные возможности. А ведь у нас с вами есть договор о взаимопомощи...

После этого весьма доверительного и не лишеного подтекста обмена мнениями Черчилль сказал:

— Здесь у меня имеется один грязный документ, содержащий соображения некоторых лиц в Лондоне. — Черчилль извлек из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги. Расправив листок на столе, он пододвинул его Сталину.

Текст не требовал перевода. Все, что было на листке, сводилось к нескольким строкам:

Rumania
 Russia — 90%
 The others. — 10%
 Greece
 Great Britain (in accord with USA) — 90%
 Russia — 10%
 Yugoslavia

50–50%
Hungary
50–50%
Bulgaria
Russia — 75%
The others — 25%

Сталин внимательно посмотрел на цифры, взял из бронзового стаканчика один из своих любимых толстых двухцветных карандашей и поставил в верхнем углу небольшую синюю галку. Затем, ничего не говоря, отодвинул листок.

Наступила длительная пауза. Первым нарушил молчание Черчилль:

— Не будет ли сочтено слишком циничным, что мы так запросто решили вопросы, затрагивающие судьбы миллионов людей? Давайте лучше сожжем эту бумагу...

— Нет, держите ее у себя, — сказал Сталин.

Черчилль сложил листок и спрятал в карман.

<...>

Посещение Черчиллем Большого театра также было обставлено с небывалой помпой. Зал украшали британские и советские флаги. Оркестр исполнил английский гимн. Когда Черчилль появился в центральной «царской» ложе, зрители обрушили на него шквал аплодисментов и приветственных возгласов. И на этот раз Сталин нарушил свои правила и тоже приехал в театр, правда, минут на пять позже британского премьера. Он подошел к Черчиллю из глубины ложи, и публика, несомненно заранее подобранная, увидев двух лидеров, разразилась бурным восторгом. Через несколько мгновений Сталин отошел в тень, чтобы все аплодисменты достались одному премьеру. Овации продолжались. Черчилль, заметив этот учтивый жест, повернулся и стал манить Сталина к себе. Тот снова приблизился к барьеру ложи, что вызвало новый взрыв аплодисментов.

<...>

При каждой встрече с Черчиллем Сталин не упускал случая выказать ему свое расположение. Возможно, он полагал, что лидер английских тори готов наконец строить отношения с Советским Союзом на основе взаимного доверия, готов относиться к нему, Сталину, как к равному. Немало заявлений и жестов, сделанных тогда Черчиллем, казалось, подтверждали такой вывод. Особенно размякал высокий британский гость после очередного

обильного ужина в Кремле, когда оба лидера уединялись в небольшом, изящно обставленном и выдержанном в зеленых тонах кабинете, примыкавшем к Екатерининскому залу, где обычно происходили банкеты. За коньяком и кофе, дымя огромной бирманской сигарой, Черчилль не раз предавался самобичеванию, прося Сталина не таить зла за то, что Англия участвовала в интервенции против молодой Советской России.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — примирительно говорил Сталин.

— Но можете ли вы простить меня лично за организацию походов Антанты? — продолжал настаивать Черчилль.

— Не мне вас прощать, — великодушно ответил «вождь народов». — Пусть прощает вас Бог...

<...>

